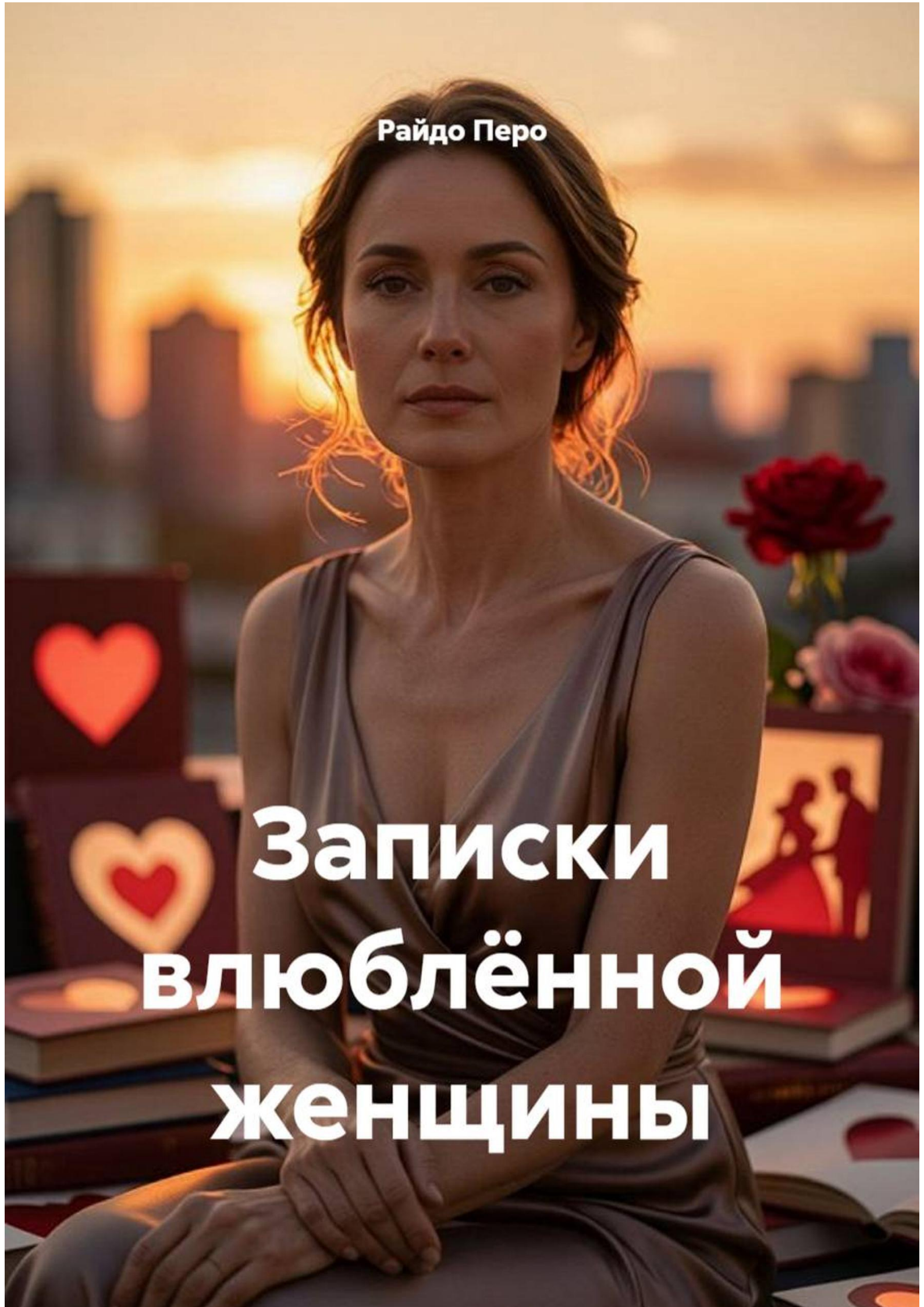

A woman with long, wavy brown hair is sitting on a rooftop at sunset. She is wearing a dark, sleeveless, draped dress. The background shows a city skyline with buildings silhouetted against the warm, orange glow of the setting sun. In the foreground, there are several heart-shaped light boxes, some of which are illuminated from within, and a bouquet of red roses. The overall mood is romantic and contemplative.

Райдо Перо

Записки влюблённой женщины

Райдо Перо

Записки влюблённой женщины

«Автор»

2026

Перо Р.

Записки влюблённой женщины / Р. Перо — «Автор», 2026

Записки влюбленной женщины — это 30 историй про женщин, которым за 30: они в браке, но одно случайное знакомство переворачивает их жизнь. Верность, слезы, страсти, влюбленность, тайны, измены и расставания — все в этих историях. Веронике сорок два. У неё есть всё, что положено: стабильный брак, карьера, дом с садом и двадцать лет «удобной» жизни, в которой она давно перестала узнавать себя. Пока в её кабинет не заходит практикант — двадцатилетний Марк с внимательным взглядом человека, который читает её с полуслова. Это не история о страсти — или не только о ней. Это история о том, как рушится то что строили двадцать лет, и о цене неверного шага: развод, отчуждение дочери, годы. И всё же Вероника не жалеет. «Лучше попробовать и жалеть, чем в старости спрашивать себя: а что, если бы?» Пронзительная история о любви, свободе и выборе, за который всегда приходится платить, — но иногда этот выбор оказывается самым честным поступком в жизни.

© Перо Р., 2026

© Автор, 2026

Райдо Перо

Записки влюблённой женщины

Глава 1

Записки влюблённой женщины История 1

Осенний дождь барабанил по стеклу её кабинета, когда Вероника впервые увидела его. Он пришёл на практику — двадцать один год, стрижка «как у студента», рюкзак через плечо и неуместно взрослый, внимательный взгляд.

Веронике было сорок два.

Ей казалось, что это просто ещё один практикант. Их приходило много — шумных, суетливых, волнующихся перед собеседованием. Она, главный маркетолог крупной компании, давно привыкла к этому круговороту молодых лиц. Они приходили и уходили, оставляя после себя только запах кофе и запах новых кроссовок.

Но Марк был другим.

— Меня зовут Марк, — сказал он, и в его голосе не было ни капли той взвинченной нервозности, которой обычно отличались практиканты. Он говорил так, будто они были старыми знакомыми. Будто он знал её. Может быть, действительно знал — знал то, что она сама задвинула так глубоко, что почти забыла.

Вероника не была несчастна. Это важно понять. Её замужество было ровным, спокойным, удобным, как хорошо подогнанный пиджак. Андрей — успешный адвокат, тридцать лет мыкания по судам, сделал ей предложение, когда ей было тридцать, а ему сорок. У них был дом с садом, две машины, дочка на границе подросткового возраста и тот тихий быт, который после двадцати лет рядом превращается в нечто среднее между привычкой и стеной.

Андрей был хорошим человеком. Вероника повторяла это себе как мантру.

Но в последние годы она перестала себя узнавать. Она смотрела в зеркало и видела женщину, которая ждала. Ждала чего-то. Она сама не могла объяснить, чего именно — приключения, вспышки, которые сорвали бы с неё этот удобный, выглаженный, предсказуемый мир.

И вот пришёл Марк.

Всё началось с мелочей.

Он оставался после работы, хотя никто его не просил. Помогал с презентациями, приносил ей утренний кофе — с той самой карамелью, которую она любила, и откуда он мог это знать, она не понимала. Он просто наблюдал. Смотрел на всё и запоминал.

— У вас усталый взгляд, — сказал он однажды, и это прозвучало не как замечание, а как то, что говорят только очень близкие люди.

Вероника рассмеялась — натянуто, защищаясь.

— Тебе двадцать один, Марк. Ты ещё не знаешь, что такое усталость.

— Знаю. — Он не улыбнулся. — Усталость — это когда ты живёшь, но не чувствуешь. А это не зависит от возраста.

Она замерла. Слова упали ей прямо в душу, туда, где она держала ту самую глубокую тишину, о которой старалась не думать.

Прошло три недели. Три недели, за которые границы между её жизнью и им начали стираться, как старые чернила.

Они начали разговаривать. Сначала о работе, потом о книгах, о музыке, о городах, в которых ни он, ни она не были, но оба мечтали побывать. Он знал стихи наизусть — не те, что входят в школьную программу, а те, что режут по живому. Она слушала и чувствовала, как внутри, под двадцатью годами удобной тишины, что-то трещит, пробуждается, начинает дышать.

Она поймала себя на том, что ищет его взглядом в коридоре. Что выбирает платье заботливее, чем выбирала его последние десять лет. Что ждёт утра с тем самым трепетом, который, как она думала, умер давно, вместе с её двадцатилетием.

Один раз она задержалась допоздна. Он тоже. Пустой кабинет, пахнет чаем и увядшими цветами. Она рассказывала о своей свадьбе — смешные подробности казались уже не смешными, а горькими. А потом замолчала. И он взял её за руку — просто, без спроса, как будто имел на это право.

И у неё не хватило сил убрать руку.

Они не переспали. Это важно, потому что всё было ещё хуже, чем если бы переспали.

Они стали проводить вместе вечера — «работой», как она оправдывалась перед собой. Сидели в машине на парковке, разговаривали, пока не стемнеет. Он рассказывал о себе — о матери, которая бросила его отца, о том, как он боялся стать её, этой матерью, но так и не понял, стал ли. Она слушала и молчала, а внутри рвалось что-то огромное, тёплое, страшное.

Их отношения были на волоске. На той границе, за которой либо всё, либо ничего. И Вероника чувствовала этот волосок каждый день.

Однажды вечером он провожал её до машины. Дождь, фонари размывают асфальт в золотистую дымку. Он остановился. Очень близко. Так близко, что она слышала его дыхание поверх шума дождя.

— Не надо, — прошептала она, но голос предательски дрогнул.

— Я знаю, что не надо, — ответил он. — Но это не значит, что я не хочу этого каждый день.

Она сбежала. Села в машину и уехала, не оглядываясь. И всю дорогу домой её трясло, как в лихорадке — не от холода, а от того, что она прокручивала этот разговор по кругу, снова и снова, и каждый раз маленькая часть её погружалась глубже в эту пропасть, которую она так старательно пыталась не замечать.

Дома Андрей смотрел телевизор. Её приход он встретил привычными словами: «Как прошёл день?». Даже не поднял глаз. Она стояла в прихожей, мокрая, дрожащая, и впервые за двадцать лет не могла ему ответить. Потому что ответ был бы предательством. А может, и всё остальное уже было предательством.

— Ты вся промокла, — сказал он машинально. — Снимай куртку.
Он даже не заметил, что она плачет.

Дальше чувства поглотили их.

Они больше не притворялись, что это работа. Они притворялись только перед другими. Но между собой — да, между собой они уже стояли на самом краю, и оба знали это. Каждый разговор, каждый взгляд был последней ступенью перед падением.

Марк предложил ей сбежать. Не фигурально — буквально. Сесть на поезд и уехать туда, куда они всегда мечтали. Начать с нуля. Пусть у него ничего нет, ему всё равно — он не боится. Через двадцать лет ему будет сорок три, а ей шестьдесят четыре. Но разве она хочет дожить до этих лет, так ничего не почувствовав?

— Ты моложе моего мужа, — прошептала она. — На двадцать один год.

— Моложе твоего мужа, — согласился он. — Но не моложе тебя. Я чувствую тебя и читаю тебя по глазам.

Она ушла, не ответив.

И вот он — тот самый неверный шаг.

Она пришла к нему вечером. Сама. Постучала в дверь его съёмной квартиры, дрожащая, решительная, готовая переступить ту черту, которую нельзя переступать.

Он открыл. Увидел её. И в её глазах он всё прочитал — всё, о чём они оба молчали эти месяцы.

— Если ты войдёшь, — сказал он тихо, — обратно дороги уже не будет. Ни для меня. Ни для тебя.

Она шагнула через порог.

Это был неверный шаг. Тот самый, который разрушает всё.

Сначала всё было как в тумане — сладком, горячем, пьянящем. Они смеялись, говорили часами, чувствовали себя единственными людьми на свете. Вероника призналась себе, что за двадцать лет с мужем Андреем никогда не чувствовала того, что чувствует в те три недели с Марком. И это признание было горьким, как лекарство.

Но мир не прощает таких шагов.

Андрей узнал. Не так, как в кино — не с драматичной сценой у дверей, а проще и оттого больнее. Он нашёл переписку в её телефоне, который она забыла на кухне. Читал всю ночь. Ждал, пока она вернётся утром, и молчал.

Вероника поняла по его глазам ещё до того, как он заговорил.

— Двадцать лет, — сказал он спокойным, ледяным голосом, который звучал страшнее любого крика. — Двадцать лет я был тебе верен. Я думал, мы — это навсегда. — Она молчала. Далее Андрей сказал: — А ты, оказывается, всё это время ждала, пока кто-то вытащит тебя из нашего «навсегда».

Она не могла оправдываться. Потому что это было правдой.

Развод был коротким и жестоким, как приговор. Дом, половина денег, дочь — дочь отрёклась от неё, как от прокажённой. Марк был с ней. Но когда всё утихло, Вероника осталась одна с тем, что выбрала сама.

Три года спустя.

Марк повзрослел. Стал взрослым человеком — как ни странно это звучит, он перестал быть тем мальчиком с рюкзаком. У него появилась своя карьера, свои мечты, свои обязательства. Он любил её — по-настоящему любил, в этом Вероника не сомневалась.

Но она видела, как он смотрит на молодых женщин его возраста. Как их смех, их лёгкость, их беспечность вызывают в нём тоску, которую он не может спрятать. Он был рядом с ней, всегда рядом — но она чувствовала, как он тянется всем существом туда, где ему было бы легко. Туда, где ему не надо было бы объяснять, кто он, и оправдывать каждую совместную фотографию.

Она платила свою цену не деньгами. Она платила её своим временем, каждой секундой, в которой понимала: она — его школа, его первый опыт, его важный урок. А он — её последний шанс.

И однажды он признался — не жестоко, не по злому умыслу, а как признаются в неизбежном:

— Я люблю тебя, Вероника. Но я боюсь того, что нас ждёт через десять лет, но ещё больше я боюсь, что ты покинешь этот мир раньше меня и я останусь абсолютно один: без детей, без любви, без заботы и ласки. Кому я буду нужен, немолодой, с морщинами? — Вероника была в шоке от его размышлений, и в голове звучал только один вопрос: о чём ты думал раньше, разрушая мою привычную жизнь? Я доверилась тебе и поставила всё на кон ради нас.

Вероника решила отпустить его, понимая, что это лучше сделать самой, чем дожидаться, когда он изменит ей и уйдёт.

Вероника приняла это решение не со скандалом, не с обидой — с благодарностью и тихой болью. Она дала ему уйти, потому что любила его ровно настолько, чтобы не забирать его будущее. А он принял её выбор, потому что любил её ровно настолько, чтобы не обманывать.

Марк уехал в другой город, чтобы не было возможности встречаться и дать себе слабину, давать ложную надежду обоим. Она осталась — выстраивать новую жизнь на развалинах того, что у неё осталось. Дочь, поначалу холодная, со временем начала идти навстречу и проявлять эмпатию. Не сразу, не полностью — но появились звонки, редкие встречи, слова, в которых больше не звенела обида.

Вероника ходила на те же улицы, пила тот же кофе с карамелью в той же кофейне.

Иногда, очень редко, ей казалось, что она видит его — тот же поворот головы, тот же рюкзак через плечо. Сердце замирало. Но это был не он. Просто ещё один мальчик с рюкзаком, ещё один парень, который только начинает познавать этот мир.

Вот что делает один (неверный) шаг в неизвестность. Этот выбор не обязательно губит всё — иногда он просто открывает дверь, за которой ты узнаёшь, что всё, чем ты жил, было твоим или не твоим, что твоё настоящее существует где-то в другом месте, в другом времени, на расстоянии одного шага от тебя.

Вероника никогда не жалела о том, что вошла тогда в дверь и сделала этот выбор. Она попробовала то, что другим порой так страшно совершить, хотя душа кричит: «Лучше попробовать и жалеть, чем не попробовать и в старости думать: а что, если бы я тогда решила дать волю своим чувствам, ответила взаимностью и была бы сейчас счастлива, любила и была любима?». Люди боятся совершать поступки, потому что им спокойнее жить в своей стабильности, в своём мире, где всё предсказуемо и понятно.

Она жалела только об одном: что целых двадцать лет боялась сделать хоть какой-то шаг, чтобы стать по-настоящему счастливой, кроме тех шагов, где она была для всех удобной.

Эта история рассказывает о границе, которую Вероника перешагнула, и о цене своего выбора, которую заплатили обе стороны. Она напоминает, что иногда самые разрушительные шаги оказываются самыми честными, а самые безопасные — самыми лживыми из всех возможных.